

Послѣднее интервью.

Сотрудникъ „Туркест. Вѣд.“ рассказываетъ:

— Простите, что я заставила васъ ожидать! — сказала мнѣ Вѣра Федоровна, когда я за день до ея болѣзни зашелъ къ ней въ гостиницу, — но вѣдь вашъ Ташкентъ оказался такимъ гостеприимнымъ, злымъ. У насъ въ труппѣ захворало четверо чело-вѣкъ... Вотъ я и хожу и навѣщаю теперь своихъ больныхъ.

У меня невольно сжалось сердце. Охвати-ла боязнь за Вѣру Федоровну.

Но и здѣсь она была „прежде всего че-ловѣкъ“ и въ свободныя минуты ухаживала за своими больными.

Въ разговорѣ съ В. Ф. я спросилъ, прав-да-ли, что она хочетъ покинуть сцену, какъ она писала въ своемъ письмѣ, напечатанномъ въ журналѣ „Театръ и Искусство.“

— Да, это правда! — отвѣтила В. Ф. — Я чувствую, что все, что могла я дать для театра, я дала. Теперь нужно дать новое, а что — я сама не знаю. Поэтому и ухожу со сцены. Вотъ теперь мы пройдемъ въ Си-бирь и на Амуръ, а оттуда я думаю про-ѣхать въ Японію, попутешествовать. Лѣтомъ отдохну, а потомъ... потомъ я мечтаю от-крыть художественную драматическую школу. Но это не будутъ драматическіе курсы съ опредѣленной программой. Наоборотъ, здѣсь будетъ полная свобода искусству. Все, что будетъ появляться новаго въ искусствѣ, бу-детъ преподаваться у насъ. И всякій тогда можетъ выйти изъ школы съ тѣмъ художе-ственнымъ багажемъ, который ему нравится и который будетъ ему по силамъ.

— Я хочу, чтобы пластика и ритмъ движеній не заучивались, чтобы они не были наклад-ными, а вошли бы въ жизнь, чтобы они ожи-ли...

— И знаете, — оживляясь, продолжала В. Ф., причемъ ея лицо освѣтилось мягкимъ внут-реннимъ свѣтомъ, — кто заставляетъ меня это дѣлать? Это наша русская молодежь... Когда они приходятъ ко мнѣ со своими от-крытыми молодыми лицами, когда смотрятъ на меня чистыми, честными глазами, я вижу, что они вѣрятъ въ меня, что они ждутъ чего-то отъ меня — и я чувствую, что я должна сдѣ-лать все, что въ моихъ силахъ, чтобы оправ-дать вѣру этой славной, хорошей молодежи!